

В.М. Шафиров

О ПРИНУДИТЕЛЬНОСТИ В ПРАВЕ

Исторически сложилось так, что не только в массовом, обыденном правосознании, но и в профессиональном, научном широко распространено суждение об абсолютной связи права и принуждения. В этом видится принципиальное отличие права от морали: нормы права обеспечиваются внешним государственным воздействием или принуждением, нормы же морали - прежде всего добровольностью их принятия и лишь в необходимых случаях - общественным принуждением. Поэтому принудительность относится к важнейшим признакам права, без которого его существование, функционирование невозможно в государственно-организованном обществе.

Так, крупнейший немецкий юрист XIX века Рудольф фон Иеринг в своей книге "Цель в праве" писал, что "ходячее определение права гласит: право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм (государство есть единственный источник права)". И это определение, по моему мнению, вполне правильно.

Обосновывая необходимость права при социализме прежде всего экономическими причинами, В.И. Ленин указывал, что сознание членов общества еще не поднялось до того уровня, чтобы труд стал для них первейшей жизненной потребностью, а производительные силы еще не достигли такого высокого развития, чтобы обеспечить изобилие материальных благ и полное удовлетворение запросов всех членов общества. Поэтому, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемене отмена капитализма сразу не дает. Только при коммунизме, где нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства, когда исчезнет государство и можно говорить о свободе, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторяющихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством. Право же есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права [1].

Взгляд на право как на силу, навязывающую обществу совокупность исходящих от государства велений, приказов к должному поведению, и был положен в основу правопонимания советской общетеоретической и отраслевой науки. Вот только некоторые типичные суждения. «Право - непосредственно принудительная сила, система правил, осуществляемых в непосредственном порядке». «Государство обеспечивает соблюдение и исполнение правовых норм, заставляя людей повиноваться законам и иным нормам права...». «Вся ценность права состоит в возможности его принудительного осуществления» [2]. Тем самым принудительности в правовом регулировании придается универсальное, всеобщее значение. Властное, административно-командное воздействие права имеет место во всех случаях, в отношении всех субъектов, включая и добровольно осуществляющих закон (правопорядочных). Распространение принудительности правовой нормы только на тех лиц, которые её нарушали, умалило бы обязывающее и организующее значение диспозиции и свело бы значение нормы только к её санкциям [3]. Всякое иное внешнее воздействие на поведение, например при помощи поощрительных, рекомендательных норм, не имеет юридически обязательного значения, не отражает специфики права.

Такая точка зрения на соотношение права и принудительности вполне логична для государствоцентричного подхода, поскольку государство рассматривается в качестве первоначального источника права.

Иное видение соотношения принудительности и права дает человекоцентричный (человеческое измерение) подход. Первоначальный источник права - природа человека, основные права и свободы присущи ему от рождения и неотчуждаемы. Каждый человек независимо от признания государством - правовая личность, правопорядочность которой предполагается. Поэтому будет упрощением раскрывать действие права только через призму государственного принуждения.

Обеспечение действия права - многоаспектная проблема. Она не ограничена рамками государственно-принудительного воздействия, не сводится к нему, но и не может быть осмыслена без него. Заслуживающее внимание в этом отношении высказал французский ученый Жан Карбонье: «Принудительность права не какой-то случайный момент в его эволюции. Тем не менее принудительность не является важнейшей чертой юридического» [4].

Действительно, позитивное право не смогло бы появиться на свет, занять свое значимое место в системе социальных ценностей без опоры на принуждение. Право как мера свободы возникает и длительное время существует в государственно-организованном обществе при ограниченном круге полностью свободных людей и в ущерб равенству. Поэтому обделенной в правах, неравной перед законом значительной части общества наряду с определенными преимуществами от вхождения в официальное правовое пространство приходится испытывать на себе всю тяжесть несправедливости из-за несения многочисленных, часто односторонне-обременительных обязанностей. При этом от ущемленных в правах требовалось непрерываемость, слепое беспрекословное повиновение даже тем приказам власти, которые противоречили их воле, интересам, унижали их человеческое достоинство. Здесь принуждение прежде всего играет заглавную роль, являясь незаменимым средством воздействия на людей. Только угрожая принуждением или применяя его, государство имеет шанс заставить человека подчиниться даже тому, что идет вразрез с его естественной природой, противоречит его желаниям, потребностям. Это было жесткое, грубое

навязывание юридических правил (принуждение может быть и в более мягких формах), однако, думается, именно с такого наделения нормативных предписаний внешней принудительной силой стало складываться этакое представление об общеобязательности права вообще, о приказном характере отношений государства ко всем своим подданным.

Обосновывание необходимости безусловного повиновения распоряжениям власти и недопущения какой бы то ни было критики их со стороны населения можно найти как у исследователей древности и средневековья, так и у буржуазных мыслителей. По мнению Бенедикта Спинозы, все должны во всем повиноваться верховной власти; все «обязаны безусловно исполнять все приказания верховной власти, хотя бы она повелевала исполнять величайшую глупость» [5]. «...Вся государственная власть основана на повиновении подданных, вся ее деятельность есть претворенное повиновение... Это приложимо ко всякому государству: степень повиновения... измеряется его сила и могущество», - считал Георг Еллинек.

Итак, формула, согласно которой каждый обязан повиноваться велениям власти, построена на признании того, что отношения между государством и гражданином - это преимущественно односторонние властные отношения. На одной стороне - верховная власть, а на другой - подчиненный ей гражданин; на одной - господство, создающее нормы и приказывающее применять их и следовать им, на другой - повиновение [6].

Приказной способ обращения власти со своими подданными обосновывался благими целями, общественной пользой. Определенная доля истины здесь есть. Однако нельзя забывать, что общественная польза в государстве, покоящемся хотя бы на частичной несвободе, неравенстве людей имеет особенность, преломления через приоритеты в первую очередь самого государства, отождествляющего себя с обществом. Поэтому-то заботясь о «благое каждого своего подданного», оно делает это, осуществляя полицейские функции, разрешая, дозируя по своему усмотрению осуществление прав. "Полицейское государство, - указывает Б.А. Кистяковский, - убивает... всякую личную и общественную инициативу и самостоятельность. Оно заменяет ее детальной и формальной казуистической регламентацией. Притом полицейское государство всегда ревниво оберегает свои прерогативы. Во всяком проявлении инициативы со стороны общества оно видит покушение на свои полномочия..." [7]. Если кто-нибудь попытается освободиться от сковывающей, навязчивой опеки государственных органов и проявит недозволенную активность, он будет принужден к повиновению юридическим правилам. Говоря словами Жан-Жака Руссо, «...его силой заставят быть свободным».

Таким образом, идея внешней принудительности права и лежит в основе свободного повиновения (подчинения) юридическим нормам. Но данная теория приспособлена к такой социальной среде, в которой личность располагает правами, строго отмеренными государством. Индивид должен делать только то, что ему прямо разрешено, и всякая самостоятельность, инициатива наказуемы, а чтобы эмоции, чувства, действия не выплескивались через край (границу дозволенного), необходима принудительность. Закрепление, обновление принудительных механизмов составляет главную заботу государственных органов. Ведь для полицейского государства человек только средство, а не цель преобразований в обществе. Отсюда логично, что «категория «должное поведение», т.е. поведение, обеспечиваемое принудительной силой государственного аппарата и соответствующее юридической норме, отражает специфику права в целом...» [8].

Но неужели свобода, навязанная в сфере права, исчерпывается свободой под внешней опекой и принуждением? И в этом ли суть социального, в том числе правового, прогресса? Конечно, нет. В своей эволюции человек освобождается от рабства, иных противоестественных форм несвободы, обретая равенство перед правовым законом в обладании правами и свободами независимо от природных и социальных черт, качеств. Все это трансформирует отношения между личностью и государством. Они уже строятся на основе признания человеком его достоинства, прав и свобод высшей ценностью. Теперь забота государства - создание основ, гарантий для развития самостоятельности, инициативы, творчества каждой личности. С правовой точки зрения это предполагает поворот в правовом регулировании на 360 градусов. Разрешительный тип регулирования обращен прежде всего к государству, его органам; для граждан определяющим становится правовое воздействие, построенное по принципу: можно делать все, что правом не запрещено. Запрещается только то, что противоречит идеалу: свободное, равноправное развитие каждого есть условие свободного, равноправного развития всех. Вмешательство государства в частную сферу не допускается.

В данной связи напрашивается очевидный вопрос: если человек в правовом государстве свободен и волен проявлять любую желательную для него инициативу, не ущемляющую свободу, права, интересы других людей, то верно ли считать, "...что правовые нормы издаются для того, чтобы принудить всех и каждого к определенному поведению..." [9]? Думается, вряд ли верно. На данное обстоятельство обратил внимание еще Г.Еллинек. "Цивилисты..., - писал он, - вплоть до настоящего времени по общему правилу признают принуждение единственной гарантией и с тем вместе существенным признаком права. Присматриваясь ближе к понятию принуждения, мы видим, что оно выступает преимущественно как непосредственное принуждение, т.е. что право достигает своих целей путем мотивации. Но совершенно непонятно, почему только мотивация, являющаяся результатом страха перед невыгодными юридическими последствиями угроз и т.п., должна быть рассматриваема как гарантия права". И далее: "...как бессильно было бы право, если бы оно располагало только средствами внешнего государственного принуждения. ...Уже можно было видеть на примере церковного права, что правопорядок можно было гарантировать иными средствами, чем те, которые обычно объединяются под понятием правового принуждения. ...Правовое

принуждение не способно само по себе гарантировать право. Правовые нормы суть не столько принудительные, сколько гарантированные нормы" [10].

Еллинек довольно точно подмечает, насколько односторонен подход к пониманию права как средства принуждения. Принуждение - такое фактическое состояние, которое если и не исключает решение человека из цепи детерминации, то во всяком случае ставит его в положение, когда у него нет выбора для избрания других вариантов поведения [11]. Кроме того, действуя по принуждению, индивид ведет себя вопреки своей воле и в интересах принуждающего.

Однако действительная социальная ценность права заключается не в подчинении, утрате активности человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как целый комплекс юридически гарантированных возможностей свободного выбора личностью позитивных решений и действий, как система закрепленных прав и свобод индивидов, обеспечивающих их самостоятельность, инициативу, творчество.

Таким образом, в обществе с развитым правом человек в полной мере обретает свободу, проявляет свою индивидуальность, получает простор для собственного активного поведения, а поскольку это так, то совершенно противоестественно принуждать гражданина жить по праву (к использованию своих прав и свобод), т.е. к тому, что соответствует его природе, свободной воле и интересам. "...Свободная воля в себе и для себя, - указывал Г.Гегель, - принуждена быть не может..."

Другое дело - сформировать, поддержать, развить на основе согласия, равновесия социально-правовую активность личности. Это настоятельная и острая необходимость. Однако здесь в первую очередь нужны позитивные средства обеспечения (правовое поощрение, организация правомерного поведения органами государства, правовое обучение и воспитание и т.п.). Сводя же обеспечение права к принуждению, мы тем самым молчаливо признаем их второстепенность, считая главными в работе юридического механизма те элементы, которые пускаются в ход для борьбы с отклоняющимся от принципов и норм поведением. На самом деле все должно быть наоборот. Для утверждения в государственно-организованном обществе именно права вся созидательная энергия, сила правовой власти должны быть направлены прежде всего на укрепление и развитие позиций личности, ведущей себя правомерно и правоактивно.

Как справедливо замечает И.Сабо, "понятие "власть" связано не только и не столько с представлением о принуждении, сколько с ролью государства как представителя общества... Во всяком случае, в современном обществе институционализированная, закрепленная государством система правил поведения есть общая движущая сила соблюдения права. По сравнению с этим принуждение в конкретных случаях применения норм права является лишь второстепенным фактором" [12].

Безусловно, было бы ошибкой вообще сводить на нет роль принудительности в обеспечении действия права, причем как в настоящем, так и в будущем. Социальная необходимость принуждения объективна, исторически predetermined. Несостоятельность позиции о том, что принуждение не может служить признаком права, совершенно очевидна. Надо лишь не забывать о строго очерченном круге ситуаций применения жестких государственных мер. В частности, принуждение, допустимо тогда, когда не соблюдаются, не исполняются обязанности, произошло злоупотребление правами. При этом оно должно носить правовой характер, т.е. быть обогащено свойствами права и соответственно этому иметь законное нормативное обоснование, строиться в соответствии с формальными требованиями закона и реализовываться в предусмотренных законом формах и процедурах [13].

Вместе с тем ни при каких обстоятельствах недопустимо принуждать человека к использованию прав или отказу от них; ущемлять права и достоинство личности. Если это произошло, индивиду следует решительно защитить свое право. По этому поводу еще Р.Иеринг писал: "...Сопrotивление постыдному неправо, посягающему на самую личность человека, т.е. всякому нарушению права, которое по приемам своему носит характер неуважения к нему..., такое сопротивление есть обязанность, долг; оно - долг управомоченного по отношению к самому себе, ибо такое веление нравственного самосохранения; оно - долг по отношению к обществу, ибо оно необходимо для осуществления права" [14].

Следовательно, право обеспечивается позитивными (правое поощрение, организующая деятельность органов государства, правомерное поведение, правовое обучение и воспитание и т.п.) и негативными (государственное принуждение) юридическими средствами. Соответственно, принудительность является составной частью более общего признака - обеспеченности права государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин / Поли. собр. соч. - М.: Политиздат, 1969. - Т.33. - С.95,89,99,
2. Основные задачи науки советского социалистического права. - М., 1938. С. 155,183; Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве. - М.,1962. - С.35.; Гражданское право. Т.1.- М.: Юрид. лит., 1969. - С.253.
3. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы / П.Е. Недбайло. - Львов, 1959. - С.37.
4. Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. - М.: Прогресс, 1986. - С. 170.
5. Спиноза Б. Избранные произведения / Б. Спиноза. - М., 1957. - Т.2. - С.208.
6. Сабо И. Основы теории права / И. Сабо. - М.: Прогресс, 1974. - С. 151 -152.
7. Власть и право. Из истории русской правовой мысли. - Л., 1990. - С.159.

8. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности/Л.Д. Воеводин. - М.: Изд-во МГУ, 1972. - С.27; Его же Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. - М.: Норма, 1997. -С.136-141.
9. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. - С.36.
10. Еллинек Г. Общее учение о государстве /Г. Еллинек. - СПб., 1908. - С.245-246.
11. Алексеев С.С. Общая теория права/С.С. Алексеев. -М.: Юрид. лит., 1981. -Т.1. -С.267.
12. Сабо И. Основы теории права.-С.168.
13. Алексеев С.С. Теория права/С.С. Алексеев.-М.:Бек,-1994.-С.78.
14. Иеринг Р. Борьба за право /Р. Иеринг. - СПб., 1908. - С. 18.